

Юлия Арниева

САХАРНАЯ ИМПЕРИЯ

Пределы дозволенного

Юлия Арниева

**Сахарная империя.
Пределы дозволенного.**

«Автор»

2026

Арниева Ю.

Сахарная империя. Пределы дозволенного. / Ю. Арниева —
«Автор», 2026

Меня называют поставщицей флота, скандальной графиней, русской шпионкой и игрушкой в руках принцев. Пусть называют. Я привыкла, что меня недооценивают. Но тот, кто решил разыграть меня как фигуру в споре королевских сыновей, скоро узнает, что эта фигура не собирается стоять ни на чьей доске и что партию отныне поведет сама. **ЧЕРНОВИК.**
ПОДПИСКА График прод: ВТ, ЧТ, СБ Выживание, прогрессорство и реалии начала XIX века.

© Арниева Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Арниева

Сахарная империя. Пределы дозволенного.

Глава 1

Два выстрела прозвучали почти одновременно.

Дэвида развернуло вполоборота. Он сделал шаг ко мне, странно подавшись плечом вперед, словно собирался продолжить разговор, но пистолет в его руке уже выстрелил, взметнув пыль возле самого подола моего платья. Я отшатнулась, едва не наступив на Джейн, а Дэвид еще попытался удержаться на ногах, согнулся, опустился на одно колено и завалился боком на обочину.

Я еще смотрела на него, когда его спутник вскинул пистолет, целясь прямо в нас, и в этот момент над головой так грохнуло, что у меня заложило уши. Симмс, привстав на козлах, выстрелил из мушкетона, и нападавшего отбросило к лошадям. Он налетел на одну из них, вцепился в поводья, но испуганное животное шарахнулось в сторону и протащило его несколько шагов, прежде чем он рухнул на землю.

Оставался Бен, и я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как он отшвырнул свой пистолет и потянулся к поясу, за которым торчала рукоять с серебряной насечкой. Только теперь я поняла, что свое оружие он уже разрядил в Норта, и сейчас пытался выхватить мое. Курок цеплялся за ремень, и Бен дергал пистолет с таким остервенением, словно тот был виноват во всех его неудачах.

Он уже почти освободил оружие, когда из-за кареты раздался еще один выстрел.

Бен вздрогнул и замер. Его рука так и осталась у пояса, а взгляд медленно опустился на грудь, где по ткани сюртука расплывалось темное пятно.

— Миледи... — проговорил он почти обиженно, будто я нарушила какой-то наш давний уговор, и упал лицом в дорожную пыль.

После нескольких выстрелов подряд наступившая тишина казалась непривычной. Только храпели и переступали лошади да где-то в кронах, опомнившись, сердито заорала сойка.

Только тогда я увидела Норта. Он полулежал у заднего колеса, привалившись к нему спиной, и все еще держал пистолет в правой руке. Левая висела плетью, рукав сюртука от плеча до локтя потемнел от крови.

— Простите, миледи, что так долго, — пробормотал он, с трудом переводя дыхание. — Пришлось подождать, пока этот мерзавец повернется ко мне боком, а то я боялся вас задеть.

Я уже собиралась подойти к нему, когда Джейн тихонько тронула меня за рукав.

— Он мертвый? — шепотом спросила она, указывая на Дэвида.

Я посмотрела в ту сторону. Он лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в небо, а на лице его застыла все та же учтивая улыбка, с которой он подсаживался к нашему столу в трактире. На темном сюртуке расплывались два пятна.

— Да, — сказала я. — Мертвый.

Едва я произнесла это, как в кустах у опушки что-то затрещало. Я резко повернулась, ожидая худшего, но между деревьями уже показалась знакомая фигура.

— Полегче, миледи! — окликнул Дик. — Это я!

Он вышел на дорогу с ружьем в руках, на ходу досыпая заряд, и остановился, оглядывая место недавней перестрелки. Взгляд скользнул по Дэвиду, задержался на его спутнике возле лошадей, затем переместился к Бену, лежавшему лицом вниз.

— Все целы, миледи?

— Норт ранен.

— Вижу.

Дик направился к карете, присел возле Норта и, отогнув край окровавленного сюртука, осмотрел рану.

— Кость, похоже, не задета, — заключил он, удовлетворенно хмыкнув. — Жить будешь.

— Утешил, — буркнул Норт, поморщившись, когда Дик помог ему поправить сюртук.

Я невольно посмотрела на Дэвида, вспомнив два кровавых пятна на его груди, и повернулась к Дику.

— Это ты стрелял в Эрскина?

— Я, миледи. Из-за деревьев.

— Ты едва успел, — проговорила я, но голос прозвучал так хрипло, что пришлось откашляться.

— Да, миледи, — согласился Дик и, поднявшись на ноги, покосился на лежавшего неподалеку Бена. — А вот этого я не учуял. Мой грех.

— Никто не учуял, Дик.

— Я должен был, — упрямо возразил он.

Я промолчала. За время своей службы Дик не раз доказывал, что умеет замечать то, что ускользает от других, и предательство Бена он еще долго будет ставить себе в вину. Утешать его сейчас было бесполезно.

Вместо этого я оглядела дорогу: три тела, две чужие лошади, одна из которых все еще волочила за собой поводья, карета с распахнутой дверцей и Норт в крови у колеса. Сын Уолтера Хавершема лежал на обочине Эппингского леса с двумя пулями в груди, и все, что за этим последует, я могла расписать не хуже, чем Шарлотта расписывала приходную книгу. Коронерское дознание. Свидетели, среди которых ни одного постороннего: моя горничная, мой охранник и мой кучер. «Морнинг пост», не успевшая остыть после статьи о русских. Графиня Хавершем, едва надев траур по невестке, застрелила на большой дороге родственника своего мужа, и что бы я ни говорила на дознании, прочтут это именно так.

— Дик, — сказала я. — Нас здесь не было.

— Разбойники.

— Разбойники. Двое путников ехали в Лондон, и в лесу на них напали. Здесь этим никого не удивишь.

— Не удивишь, — согласился Дик. — В Эппингском лесу грабят, сколько я себя помню.

Он опустился возле Дэвида на корточки и принялся обыскивать его карманы с такой сноровкой, что я благоразумно воздержалась от расспросов. На землю один за другим легли кошелек, часы на цепочке, записная книжка, табакерка и носовой платок с вышитой буквой «Э». С перстнем-печаткой пришлось повозиться: Дик несколько раз повернул его на пальце покойника, прежде чем сумел стянуть. У спутника Дэвида нашлись кошелек потоньше, нож и пороховница. Дик забрал и пистолеты, заметив, что разбойники вряд ли стали бы бросать на дороге хорошее оружие.

Закончив с телами, Дик отправился за лошадьми. Одну поймал сразу, а вторая успела отойти к канаве шагов на сорок и подпустила его к себе лишь после долгих уговоров, перемежавшихся такими ласковыми ругательствами, что Джейн невольно покраснела. Дик привел обеих к карете, снял седельные сумки и вытряхнул их содержимое на плащ Дэвида, расстеленный прямо на траве. К уже собранным вещам прибавились смена белья, бритва, фляга, еще один кошелек и пачка бумаг, перевязанная бечевкой.

— Посмотрите, миледи? — спросил он, протягивая мне бумаги.

— Не здесь, Дик. Уберемся сначала с дороги.

Он кивнул, вернул бумаги к остальным вещам и принялся увязывать плащ в узел.

— Прикопаю все неподалеку, место приметное найду. Вещи с покойников нам при себе держать нельзя. Попадется кому на глаза та же табакерка, узнают ее — и в разбойников уже никто не поверит. А когда все уляжется, вернемся и достанем, что понадобится.

Пистолет Форда я забрала сама. Чтобы вытащить его из-за пояса, пришлось перевернуть Бена, и курок, конечно, снова зацепился за ремень, так что повозиться пришлось изрядно.

— Езжайте, миледи, — сказал Дик, затягивая узел. — Я тут приберусь.

— А Бен?

— Похороню. В лесу места много.

Я посмотрела на Бена. Он лежал на боку, неловко подвернув под себя руку. Мне вспомнилось, как Эдмунд бегал к нему на конюшню смотреть, как он чистит пистолеты, и как Бен терпеливо показывал ему, куда засыпают порох.

— Его будут искать?

— Некому. Ни жены, ни родни. Мать, говорил, померла, когда ему десять было. — Дик подобрал с дороги разряженный пистолет Бена и сунул в узел к остальному. — Сбежал, миледи. Слуги, бывает, бегают.

— Сбежал, — повторила я. — И коня увел.

— Коня я заберу, на нем и приеду. А этих двух отгоню подальше, чтоб не стояли тут, как у коновязи.

— Догонишь?

— К утру буду на Кинг-стрит.

Я кивнула и поспешила к Норту, который все еще сидел у заднего колеса кареты. За время нашего разговора с Диком он побледнел еще сильнее, и мне совсем не понравилось, как тяжело он дышал. Мы с Симмсом подхватили его с двух сторон, но Норт упрямо настоял на том, что встанет сам. Поднявшись, он на мгновение привалился к карете, переждал приступ боли и только потом, опираясь на здоровую руку, сумел забраться внутрь. На сиденье он скорее рухнул, чем сел, вытянул ноги и прикрыл глаза.

— Только не вздумай потерять сознание, — предупредила я, устраиваясь напротив. — Мне и без того хватило неприятностей на сегодня.

— Постараюсь, миледи, — выдавил он.

Симмс подобрал мушкетон, убедился, что дверца закрыта, и взобрался на козлы. Когда карета наконец тронулась, я выглянула в заднее окошко. Дик стоял посреди дороги, удерживая под уздцы трех лошадей, и смотрел нам вслед. У его ног лежал Дэвид Уолтер Эрскин Хавершем, по-прежнему улыбавшийся небу.

Я отвернулась и попросила Джейн достать перевязочные принадлежности. Впрочем, она уже тянула из-под сиденья свою неизменную корзинку. Сколько я ее помнила, эта корзинка ездила с нами повсюду, и в ней всегда находились нитки, иголки, булавки и запасные шнурки. А с прошлой осени на самом дне, в отдельном полотняном мешочке, Джейн по моей просьбе возила корпию, бинты, ножницы, моток шелковой нити, фляжку бренди и пузырек лауданума. Тогда мне казалось, что я просто проявляю предусмотрительность. Теперь же оставалось порадоваться, что Джейн ни разу не забыла этот мешочек.

В лесу уже смеркалось, поэтому пришлось зажечь дорожный фонарь и повесить его так, чтобы свет падал на раненое плечо. Я растянула Норту сюртук, отвела воротник и принялась разрезать рукав. Кое-где ткань успела присохнуть к крови, и ее приходилось отмачивать, прежде чем отделять от кожи. Норт смотрел в потолок кареты и вполголоса призывал на помощь всех известных ему святых. Знал он их немного и, судя по некоторым именам, не все они были святыми.

Пуля вошла сзади, чуть выше лопатки. Я ощупала плечо, осмотрела его спереди и сбоку, но выходного отверстия не обнаружила.

— Сидит? — спросил Норт, не отрывая взгляда от потолка.

— Похоже, да. Придется доставать.

Он помолчал, пока я готовила корпию, а затем негромко произнес:

— Бен ехал за каретой. Я ведь знал, где он находится, и все равно повернулся к нему спиной. Даже когда эти двое показались, подумал, что он их придержит.

— Мы все так думали, Норт.

— Я должен был заметить. Хотя что-нибудь. Он ведь столько времени рядом был.

— И именно поэтому ты ему доверял. — Я смочила корпию бренди и приложила к ране. — А теперь потерпи немного.

Норт дернулся и выругался, на этот раз обойдясь вовсе без святых. Пришлось подождать, пока он снова сможет дышать ровнее, после чего я закрепила корпию бинтом, проведя повязку через грудь и под здоровой рукой. Карета раскачивалась на неровной дороге, фонарь то и дело отклонялся в сторону, а Норт с каждым толчком все крепче стискивал зубы.

— Возвращаемся в Эппинг, миледи? Там есть лекарь.

— В Эппинге нас видели. Меня, Джейн и Дэвида за нашим столом. Если сегодня ночью местный лекарь вынет пулю из моего охранника, а завтра утром в лесу найдут двоих убитых, вопросы ему зададут очень скоро.

Норт нахмурился и пошевелил раненым плечом, тут же поморщившись.

— Тогда кто ее вынет?

— Я.

Он повернул ко мне голову и некоторое время смотрел, словно надеялся, что ослышался.

— Вы, миледи? Сами?

— Да. Я зашивала Дика после того, как его ранили. Как видишь, он выжил.

— Дик живучий, — возразил Норт. — Его, пожалуй, и из могилы вытащить можно, если хорошенько за шиворот ухватить. — Он помолчал, покосился на корзинку Джейн, где лежали ножницы, иголки и бинты, и с заметным сомнением спросил: — А пулю-то чем доставать будете?

— Еще не знаю. Сначала доберемся до дома, посмотрю, что удастся найти подходящего, а заодно осматрю рану при хорошем свете.

Норт рассмеялся, но тут же охнул, схватившись здоровой рукой за плечо, и снова откинул голову на спинку сиденья.

Джейн сидела рядом со мной, прижавшись к стенке кареты, и все это время молча следила за тем, как я перевязываю Норта. Пока нужно было подавать бинты и придерживать корзинку, она справлялась прекрасно, но теперь, когда заняться стало нечем, ее начало трясти.

Я повернулась к ней и взяла ее за руку.

— Ты молодец, Джейн. Если бы не ты, неизвестно, чем бы все закончилось.

— Я ничего не сделала, миледи, — прошептала она, с трудом выговаривая слова. — Только стояла рядом и смотрела, как он достает пистолет. Я так испугалась, что едва могла пошевелиться.

— И все-таки пошевелилась. Ты отдала мне оружие, причем именно тогда, когда оно было нужнее всего. Поверь, я прекрасно понимаю, чего тебе это стоило.

— Я думала, вы забыли, что он у меня, — призналась Джейн, наконец подняв на меня глаза. — Вы ведь даже не посмотрели в мою сторону, а тот господин уже собирался стрелять. Я боялась, что не успею передать.

— Не забыла. — Я крепче сжала ее пальцы. — Я на это и рассчитывала, Джейн. И ты меня не подвела.

Она всхлипнула, вытерла нос рукавом, чего не позволяла себе с тех самых пор, как поступила ко мне в услужение, и некоторое время сидела, пытаясь справиться со слезами. Потом глубоко вздохнула, расправила смятую юбку и посмотрела на мое платье.

— Платье испорчено, миледи, — сказала она уже почти своим обычным голосом. — Подол весь в пыли, а на юбке, кажется, еще и кровь. И перчатки ваши... Боюсь, их уже ничем не спасти.

— Перчатки сожжем.

— А платье я отчищу, — пообещала Джейн, разглаживая складки на моем подоле. — Вот увидите, миледи, никто и не догадается, что с ним случилось.

Я кивнула ей и прислонилась к стенке кареты. Норт, кажется, задремал, хотя на особенно глубоких ухабах вздрагивал и болезненно морщился, а Джейн, убедившись, что я больше ни в чем не нуждаюсь, принялась складывать обратно в корзинку перевязочные принадлежности. Мне же никак не удавалось отделаться от мыслей о трактире, где мы остановились перед нападением.

Хозяйка сама проводила нас в малую гостиную и наверняка запомнила мое траурное платье. Конюх менял лошадей, слуги носили чай, а Дэвид довольно долго сидел с нами за одним столом. Половина Эппинга могла видеть, как мы уезжали, а спустя четверть часа следом отправился светловолосый джентльмен, которого теперь найдут мертвым на лесной дороге. Если коронер окажется дотошным, а у хозяйки хорошая память, то история с разбойниками может рассыпаться при первых же расспросах. Я перебирала возможные вопросы и ответы, пыталась вспомнить, кто именно заходил в гостиную и мог ли кто-нибудь слышать наш разговор, пока не поймала себя на том, что в который раз возвращаюсь к одному и тому же. Ничего изменить было уже нельзя. Оставалось надеяться на Дика, молчать и ждать, чем все обернется.

На Кинг-стрит мы въехали далеко за полночь. Дом стоял темный, только в кухонном окне теплился слабый свет, и, когда Симмс остановил карету, мне пришлось несколько раз постучать, прежде чем за дверью послышались шаги. Открыла миссис Грант, в ночном чепце, с подсвечником в руке. Она уже приготовилась что-то сказать, но увидела Норта, которого Симмс почти нес на себе, и охнула.

— Святые угодники! Миледи, что же...

— Потом, миссис Грант. Сейчас помогите нам устроить Норта на кухне. Понадобится горячая вода, чистое полотно и как можно больше свечей. И разбудите Бригтса, без него нам не справиться.

К ее чести, ни одного лишнего вопроса не последовало. Миссис Грант перекрестилась, поставила подсвечник на ближайший столик и поспешила выполнять распоряжения, а мы с Симмсом повели Норта по коридору. Он еще пытался переставлять ноги самостоятельно, но с каждым шагом все сильнее наваливался на кучера, и до кухни мы добрались с немалым трудом.

На лестнице послышались быстрые шаги, и почти следом в дверях появилась Мэри, накинувшая шаль прямо поверх ночной рубашки. Длинная коса болталась у нее за спиной.

— Миссис Грант, я слышала карету и подумала... — Она увидела меня, окровавленный сюртук Норта и Симмса, который поддерживал его под здоровую руку. — Господи, что случилось?

— На нас напали. Норт ранен, и пуля осталась в плече. Подробности расскажу позже, а сейчас мне нужна твоя помощь.

Мэри кивнула, перебросила косу через плечо, затянула шаль узлом на спине и отправилась за тазом. К тому времени, как она вернулась, мы уже уложили Норта на кухонный стол, предварительно застелив его простыней. Миссис Грант принесла свечи, Джейн расставила их так, чтобы свет падал на раненое плечо, и взяла в руки самую большую, готовясь держать ее возле меня.

Оставалось решить, чем извлекать пулю. В дороге я успела обдумать несколько вариантов, но подходящего хирургического инструмента у нас, разумеется, не было.

— Миссис Грант, у нас найдутся щипчики для сахара? Желательно самые узкие.

Она удивленно моргнула.

— Серебряные, миледи? Те, что от чайного сервиза?

— Они самые. Принесите их, пожалуйста, и поставьте на огонь котел с водой. Щипчики нужно прокипятить, а заодно ножницы и иглу.

— Серебро в кипяток? — переспросила она, явно решив, что ослышалась.

— Именно. И пусть кипят, пока я готовлюсь.

Миссис Грант принесла щипчики, держа их двумя пальцами, словно фамильную драгоценность, и с явным сожалением опустила в котел.

Я тем временем тщательно вымыла руки с мылом, вычистила ногти щеткой и протерла руки бренди. Мэри, наблюдавшая за мной, без напоминаний проделала то же самое и принесла чистые полотняные салфетки. Норт по его просьбе дали бренди, после чего Симмс сложил вдвое кожаный ремень и предложил ему закусить. Бриггс, разбуженный посреди ночи и еще не вполне пришедший в себя, встал в ногах у Норта.

— Держите крепко, — предупредила я, когда все заняли свои места. — Особенно плечо. Если Норт дернется в тот момент, когда я буду доставать пулю, я только сильнее разберезу рану.

— Слышал, приятель? — пробормотал Норт, обращаясь к Симмсу. — Только не вздумай отпустить.

Симмс мрачно кивнул, навалился на здоровое плечо, а я сняла повязку и при свете нескольких свечей снова осмотрела рану. К счастью, пуля засела не так глубоко, как я опасалась, и мне довольно быстро удалось определить, где она находится, под мышцей возле лопатки. Однако нащупать пулю оказалось куда проще, чем извлечь.

Щипчики оказались слишком гладкими, серебряные лапки соскальзывали, а Норт, несмотря на ремень в зубах, извивался так, что Симмсу и Бриггсу приходилось удерживать его всем весом. Дважды мне казалось, что я уже захватила пулю, но стоило потянуть, как она снова уходила из щипчиков. Мэри, не дожидаясь указаний, придерживала края раны чистой полотняной салфеткой, меняя ее по мере того, как ткань пропитывалась кровью. Я чувствовала, как по спине под платьем стекает пот, и все сильнее боялась, что придется прекратить попытки, так ничего и не добившись.

На третий раз щипчики наконец удержали пулю. Я медленно извлекла ее и опустила в приготовленную миску. Раздался негромкий звон, который после напряженного молчания показался мне удивительно приятным.

Норт выплюнул ремень, попытался что-то сказать, но только хрипло выдохнул и закрыл глаза. Я быстро осмотрела извлеченную пулю и вернулась к ране. Ее нужно было промыть, убедиться, что кровотечение не усиливается, и наложить швы. Мэри подавала мне инструменты и нить, миссис Грант меняла испачканные салфетки и бинты, а Джейн держала свечу так близко, как только позволял жар пламени.

Шесть стежков дались мне нелегко. Руки устали, спина затекла от неудобного положения, но к тому времени, когда я завязала последний узел и наложила свежую повязку, Норт уже почти не реагировал на происходящее.

Использованные щипчики я опустила обратно в котел и только после этого выпрямилась.

— Миссис Грант, этими щипчиками сахар больше не подавать.

Она посмотрела на котел, на миску со сплюсненной пулей и с чувством произнесла:

— Да уж, миледи. Не подавать.

Оставлять Норта на кухонном столе до утра было нельзя. Симмс и Бриггс взялись за края простыни, на которой он лежал, а я встала возле раненого плеча, собираясь придерживать его при переноске. Мы только успели приподнять Норта, когда в дверь черного хода постучали. Три удара с короткой паузой.

Бриггс от неожиданности едва не выпустил свой край простыни.

— Держите крепче, — велела я. — Это свои. Мэри, открой, пожалуйста.

Она поспешила к двери, отодвинула засов, и на пороге появился Дик. Штанины у него промокли до колен, рукава были перепачканы землей едва ли не до локтей, за спиной висело ружье. Он переступил порог, оглядел кухню с расставленными повсюду свечами, окровавленными салфетками и тазами и перевел взгляд на фаянсовую миску, где лежала извлеченная пуля.

— Оpozдал, значит, — произнес он, подходя к столу.

— Оpozдал, — подтвердила я. — Зато вовремя пришел помочь. Бери за угол.

Дик снял ружье, прислонил его к стене и подхватил свободный край простыни. Вчетвером мы перенесли Норта в каморку, уложили на кровать и подсунули под раненое плечо свернутое одеяло. Он приоткрыл глаза, увидел склонившегося над ним Дика и пробормотал что-то невнятное. Из всей фразы я разобрала только слово «копаешь».

— Копаю, — согласился Дик, поправляя одеяло. — Спи давай.

Норт снова закрыл глаза, а мы еще немного постояли возле его кровати, прислушиваясь к дыханию. Я проверила повязку, убедилась, что свежей крови на ней нет, и только после этого позволила остальным разойтись. Бриггс, которого среди ночи подняли с постели и заставили держать раненого человека во время операции, отправился досыпать, а миссис Грант пошла проверить двери и окна. После всего случившегося ей не хотелось оставлять незапертым даже кухонный шкаф.

На кухню мы вернулись вчетвером: Дик, Мэри, Джейн, которая так и не выпустила из рук свечу, и я. На столе еще стояли миски с водой, лежали испачканные полотняные салфетки, а в котле остывали злосчастные щипчики для сахара. Дик отыскал оставленный Бриггсом хлеб, отломил порядочный кусок и принялся есть, запивая элем. Судя по тому, с каким аппетитом он жевал, поужинать ему сегодня так и не удалось.

Я дождалась, пока он проглотит первый кусок.

— Ну? Что ты успел сделать?

— Бена похоронил в низинке за старой гравийной ямой, по правую руку от дороги, если ехать на Лондон. Там папоротник в пояс, с дороги ничего не видно, да и случайно туда никто не сунется. Узел прикопал отдельно, под дубом с расщепом, шагах в двадцати от ямы. На стволе зарубку оставил, так что место потом найду. — Дик отхлебнул эля и продолжил: — Тех двоих не трогал. Лежат, как легли, только карманы пустые. Лошадей отогнал к Чигуэллу и пустил по разным тропам. К утру их кто-нибудь поймает и еще спасибо скажет за такую удачу.

Мэри, стоявшая возле стола, побледнела. Она переводила взгляд с Дика на меня, и я видела, как постепенно складывается у нее представление о том, что произошло на дороге.

— А как ты вообще там оказался, Дик? — спросила я. — Последнее, что я знала, ты искал Эрскина где-то под Йорком.

— Был под Йорком. Только зря время потерял, пусто там. По северной дороге его никто не видал, и я рассудил, что раз он не прячется на севере, то, скорее всего, крутится где-нибудь поближе к вам. Повернул назад, стал расспрашивать по почтовым станциям. В Бишопс-Стортфорде один конюх вспомнил светловолосого джентльмена, который говорил вроде бы по-лондонски, а гласные тянул, как шотландец. Тот интересовался, когда проходят кареты из Ньюмаркета. Я решил проверить и поехал дальше, в Эппинг.

Дик отломил еще хлеба, но, заметив, что я жду продолжения, отложил его.

— В «Короне» мне повезло больше. Мальчишка при конюшне за шиллинг рассказал, что такой джентльмен живет у них уже второй день и каждую карету с севера разглядывает, будто невесту дожидается. И дождался-таки. Подсел к знатной даме в трауре, сидел с ней за одним столом, а когда она уехала, четверти часа не прошло, как он велел седлать лошадь.

— Два дня, — повторила я.

— Два дня, миледи. Тут я уже понял, что он не кого-нибудь высматривает, а вас. Взял лошадь на почтовой станции, свою оставил и пустился следом. Решил срезать через лес, чтобы

выйти к дороге раньше него, да не повезло: мили через три лошадь засекала ногу и захромала. Пришлось спешиться и бежать. До дороги оставалось каких-нибудь десять шагов, когда я услышал ваши голоса, а потом увидел, как Эрскин достает пистолет. Дальше вы сами знаете.

Машинально кивнув, я попыталась сосчитать. Письма принцев доставили в Хавершем-холл после ужина, наутро мы выехали, к закату были в Эппинге... Мысль казалась важной, но ускользала, едва я пыталась ее додумать, а после такого дня я не могла сложить даже простые числа.

Джейн подала мне кружку с чаем, и только тогда я заметила, как дрожат мои руки, а под ногтем указательного пальца темнеет полоска. Я поставила кружку, подошла к рукомойнику, намылила руки и взялась за щетку. Вода успела остыть, но я все вычищала ногти и снова намыливала пальцы. Полоска никак не исчезала. Я терла все сильнее, пока Мэри не подошла ко мне, не взяла за запястье и не отобрала щетку.

— Довольно, миледи. Там больше ничего нет.

Я посмотрела на свои руки. Кожа саднила, возле ногтей выступили красные полосы, а вода в тазу оставалась почти чистой.

— Я сегодня застрелила человека, Мэри.

Сказала и сама удивилась тому, как буднично это прозвучало. Мэри не отшатнулась и не ахнула. Она взяла полотенце, вытерла мне руки, как когда-то, в самые первые дни в пустом доме в Блумсбери, вытирала их после того, как я вычистила запущенный камин, и тихо спросила:

— Он хотел вас убить?

— Да.

— Тогда и говорить не о чем. — Мэри сложила полотенце и положила его на край стола.

— Ступайте наверх, миледи. Вы едва на ногах держитесь, а с Нормом я посижу. Если ему станет хуже, сразу позову.

— Я сама...

— Вы сами сейчас упадете. А мне в Саутуорк только к полудню, так что успею выспаться потом.

Спорить с Мэри в таком настроении было так же бесполезно, как с Артуром. Я позволила Джейн проводить себя наверх, хотя и понимала, что заснуть вряд ли удастся.

Она помогла мне снять платье, встряхнула его, осмотрела подол и унесла вместе с испачканными перчатками. Я переоделась, легла и долго смотрела в потолок, по которому скользил свет уличного фонаря. В доме стало тихо, но стоило закрыть глаза, как передо мной снова возник Давид. Его учтивая улыбка, спокойный голос, то, как он произнес «кузина» сначала в трактире, а потом на дороге, уже зная, что собирается меня убить. Я открывала глаза, ждала, пока воспоминание отступит, пробовала устроиться удобнее, но спустя несколько минут все повторялось.

К рассвету я оставила попытки уснуть, накинула шаль и спустилась вниз.

Мэри дремала на табурете возле двери каморки, привалившись плечом к косяку. Услышав мои шаги, она встрепелась, но я жестом попросила ее не вставать и прошла к Норму. Он спал, повернув голову на здоровую сторону. Я потрогала его лоб: теплый, но не горячий. Дыхание оставалось ровным, повязка держалась, и это меня чуть успокоило.

Затем я прошла в кабинет и попыталась заняться делами. Нужно было написать в Карлтон-хаус и в Буши, что я прибыла в Лондон, и я написала, коротко и почтительно, сославшись на утомительную дорогу и попросив позволения явиться не сегодня, а завтра. Потом взялась за счета, которые Мэри оставила на столе, но цифры расплывались, и я поймала себя на том, что третий раз складываю одну и ту же колонку и каждый раз получаю другую сумму.

Тогда я села писать Артуру. Первое письмо вышло слишком длинным. Я рассказала в нем все, от трактира до щипчиков для сахара, перечитала и поняла, что отправить такое по

почте означает отдать в руки любого чиновника, вскрывающего чужие письма, все, что я велела Дикю закопать под дубом с расщепом. Письмо отправилось в камин.

Второе вышло слишком коротким и бодрым. «Доехали благополучно, все здоровы». Артур прочтет это и сразу поймет, что все очень плохо, потому что я никогда не пишу «благополучно». Его я тоже сожгла.

На третьем я просидела почти час. Писала, зачеркивала, начинала заново, пока не получилось то, что не скажет ничего постороннему и все скажет ему.

«Милорд, мы в Лондоне. Норт по дороге неудачно повредил плечо, я сама его перевязала, и Мэри уверяет, что у меня получилось не хуже, чем у доктора Морриса. Бен решил оставить службу и уехал, не простившись. Джейн держалась превосходно и сохранила все, что я дала ей на хранение, до последней минуты. Дик нашел то, что искал, и больше искать не будет.

Передайте леди Уилкс, что я поняла, отчего она предпочитает фазанов. Фазаны не отвечают тем же.

Я помню свое обещание и надеюсь, что вы помните свое. Не выезжайте никуда и не позволяйте Эдмунду ходить на псарню одному. Скажите ему, что скоро — это не так долго, как кажется, и что ни в одну лавку я еще не свернула.

Ваша К.»

Я посыпала строки песком, стряхнула его, запечатала письмо и отложила на край стола. Глаза резало от бессонной ночи, но о постели не хотелось даже думать. Я пересела к камину, прихватив с письменного стола оба письма, полученные накануне от принцев.

Дик сказал, что Дэвид ждал меня в Эппинге два дня. Письма принцев пришли после ужина, наутро мы выехали и к закату того же дня добрались до Эппинга. Значит, Дэвид приехал туда, когда эти письма еще лежали в почтовой сумке где-то на полпути к Норфолку. Бен мог сообщить ему, что я еду, но не раньше, чем я сама об этом узнала.

Я разложила письма на ломберном столике и снова посмотрела на печати. От приглашения одного принца еще можно было отговориться трауром. Когда же одновременно писали оба, откладывать поездку становилось гораздо труднее. И Дэвид, похоже, прекрасно это понимал.

Солнце давно поднялось над крышами, а я все смотрела на печати и думала. Одно из этих писем позвало меня в Лондон. Другое — на эппингскую дорогу. Оставалось понять, какое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.